

На основе этих ограниченных данных видно, что исследования двух авторов охватывают все характерные качества города. Такая всеобъемлющая характеристика весьма уместна в книге, претендующей на учебник для высших учебных заведений. Стиль изложения и разъяснения отвечают этой цели: авторы не вдаются в мелкие подробности и часто ограничивают свои интерпретации общими характеристиками важнейших черт города.

Книга является прекрасной основой преподавания, но как монография имеет, конечно, много недостатков. Причина тому отчасти в ее учебном характере. Во-первых, авторы редко обращаются к первоисточникам. Во-вторых, в списке рекомендуемой литературы нет ряда основополагающих работ о городе (например, «Das Wachstum der Städte» E. Weber²⁹), в то время как цитируются много малоизвестных и даже популярных изданий. В-третьих, некоторые из заключений авторов сомнительны. Короче говоря, в качестве научной монографии у книги много недостатков, но как учебник она отличная, а если учесть, что литературы о городе пока очень мало и что книга является в некотором смысле пионерской работой, эти недостатки большей частью простительны.

Перевод с немецкого Н.А. ГОЛОВИНА

SOME OF THE NEW WORKS IN THE FIELD OF "PHILOSOPHICAL" AND "EMPIRICAL-INDUCTIVE" SOCIOLOGY: CONSOLIDATED REVIEW

SOROKIN P.A.

Translated by N.A. GOLOVIN, St.Petersburg State University, Russia

© 2023 г.

П.А. СОРОКИН

ОТМАР ШПАНН. КРИЗИС В ПОЛИТЭКОНОМИИ (ДОПОЛНЕННЫЙ ДОКЛАД): РЕЦЕНЗИЯ

DOI: 10.31857/S013216250021533-9

В данном докладе профессор О. Шпанн¹ описывает кризис в политической экономике, его внутренние причины, его характер, показывает нам путь его преодоления. Происхождение кризиса следует искать в том, что механистично-каузальный и индивидуально-атомистический характер, до сих пор присущий политической экономике, оказался неверным и бесплодным. В этом смысле кризис, имеющий здесь место, является лишь одной из форм нынешнего общего кризиса гуманитарных наук. Все они сделали ошибку, взяв структуру естествознания в качестве образца для своей собственной структуры. Результатом для всех стало отсутствие какого-либо прогресса во всем этом направлении. Отсюда и реакция против материалистической, механистической, каузальной, количественной,

²⁹ «Рост городов» Э. Вебера. (Das Wachstum der Städte, издание не установлено.)

Перевод выполнен по изданию: Sorokin P. Spann O. Die Krisis in der Volkswirtschaftslehre (Verwaltung, Interessenvertretung und Forschung. Heft 3). München, Leipzig: Dunker und Humblot, 1930 // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1931. S. 479–482.

¹ Шпанн Отмар (Spann, 1878–1950) – австрийский философ, социолог и экономист, идеолог политического консерватизма. В 1919 г. возглавил кафедру политэкономии в Венском университете, но преподавал в основном «учение об обществе» и «экономике целостности» («ganzheitliche Ökonomie»). Являлся «ключевой фигурой правых» [Kranebitter, 2019: 25]. Рецензируемое П.А. Сорокиным издание представляет собой доклад О. Шпанна, прочитанный 04.05.1929 г. в Германии на собрании Имперского союза немецких экономистов (Reichsverband der Deutschen Volkswirte e.V.).

безбожной и «свободной от ценностей» науки, свидетелями которой мы сейчас являемся. Данная реакция выражается в философии в форме развития неокантианских, неоаристотелевских и других неопозитивистских школ; в психологии – в защитной реакции против бихевиористских и механистических теорий; в социологии – в том, что были дискредитированы натуралистические теории Конта и Спенсера, и т.д. Аналогичное явление наблюдается в экономической науке. Она во всех основных отраслях – в неоклассическом направлении, в математической школе, в теории предельной полезности², в марксистском учении, в исторической школе – придерживалась лишь одной точки зрения о том, что она должна быть механистично-каузальной и, следовательно, количественной наукой, как, например, физика и химия. Однако гуманитарные науки как по своей структуре, так и в принципе полностью отличаются от физико-химических наук, а их принципы и категории не могут быть в ней использованы. «Раньше желали знания без бога и без добродетели. Но такого знания в духовных и общественных предметах не бывает». Естественнонаучные основоположения не могут быть применены к исследованию экономических феноменов. «Экономическое учение – не наука о внешних материальных благах..., не теория предпринимательского дела (Geschäftigkeit), а теория жизни».

После того, как профессор Шпанн таким вот образом показал природу кризиса и его причины, он предлагает путь возможного преодоления кризиса. Это должно происходить посредством усвоения его универсалистского понимания системы (Systemgedanken) и, в частности, исключения каузальных, механистических, индивидуалистических, материалистических, количественных, свободных от ценностей и безбожных принципов, на которых до сих пор пытались строить политэкономия. Вместо этого должны действовать принципы универсализма, а именно: принципы целостности (вместо атомизма) с их спутниками: порядком вычленения (Ausgliederungsordnung), достижительности, приоритета, оценкой целесообразности и этической оценкой. «Экономика представляет собой здание, то есть нечто целостное, отдельные части которого существуют в нем лишь как составные части». Однако индивидуализм и универсализм в системном подходе несовместимы, политическая экономия должна выбрать один из них.

«Индивидуализм приводит к либерализму, либерализм ведет к капитализму, капитализм ведет к марксизму, марксизм ведет к большевизму. Это один путь. Другой путь – это универсализм. Универсалистское понимание экономики и общества означает отказ от механистического и обоснование осмысленно-целостного подхода (sinnvoll-ganzheitliche Betrachtung)».

По мнению рецензента, доклад профессора Шпанна является действительно свежим, богатым мыслями и увлекательным. Его критика многих недостатков индивидуалистических, натуралистических, количественных и механистических принципов в гуманитарных науках с показом того, как они применялись, представляется в значительной мере верной. Его анализ неприемлемости значительного числа этих категорий в гуманитарных науках является, по большей части, логичным; а некоторые принципы универсализма, которые он поддерживает, не следует отвергать. Короче говоря, доклад заслуживает внимательного изучения, в частности, ярыми приверженцами механистического, материалистического, количественного и бихевиористского понимания гуманитарных наук.

Признав это, одновременно хотелось бы выразить опасение, что Шпанн в своей критике заходит слишком далеко и потому впадает в другую крайность. На некоторые слабые места его универсализма указано в обсуждениях доклада Ф. Оппенгеймером³, К. Ландауэром⁴, В. Зомбартом. Само собой разумеется, невозможно в кратком обсуждении подробно рассмотреть все пункты теории, разработанной Шпанном. Я хотел бы лишь

² Теория предельной полезности является политико-экономической теорией потребительной стоимости и экономического поведения потребителя, разработанной в австрийской экономической науке во второй половине XIX в.

³ Франц Оппенгеймер (Oppenheimer, 1864–1943) – немецкий социолог и политэконом, критик теории капитализма К. Маркса.

⁴ Карл Ландауэр (Landauer, 1891–1983) – немецкий экономист.

кратко (и догматично) назвать те пункты, доказательность которых мне представляется недостаточной.

Во-первых, если принципы каузальности (или функционального отношения) для исследования социальных и экономических феноменов представляются недостаточными, то они все-таки применимы и незаменимы в научном исследовании целого ряда таких феноменов. Шпанн, несомненно, заходит слишком далеко, когда полностью исключает их.

Во-вторых, если даже одни социальные и экономические феномены не могут быть исследованы количественными методами, то другие, напротив, уже исследованы именно так и могут быть исследованы так и дальше. Шпанн, как мне кажется, впадает здесь в крайность, противоположную радикальным «количественникам», считающим, что все социальные феномены могут быть исследованы количественно и что лишь количественное исследование «по-настоящему научное».

В-третьих, требование Шпанна о том, что научное исследование социальных и экономических феноменов должно одновременно содержать их этическую оценку, представляется мне неприемлемым. Верно, что каждое научное суждение имеет значимость (Geltung), даже если речь идет лишь о категории «ценности», «правильности» или «нормы». Однако логическая и научная значимость, правильность или норма очень отличаются от этической. Констатации типа « $2+2=4$ »; закон всемирного тяготения Ньютона; «Ленин умер в 1924 г.» либо: «все люди смертны», «Сократ – человек, следовательно, он смертен»; «в известных рамках психосоциальная изоляция повышает количество самоубийств»; эти и тысячи других подобных суждений сохраняют научную верность и научную и логическую значимость, хотя у них нет никакого этического значения. И наоборот, у требований типа «Люди должны любить друг друга»; «Социальное неравенство должно быть устранено» есть, пожалуй, этическое, но никак не научное значение, потому что они не дают нам объяснения того, как дело обстоит в реальности, как оно обстояло прежде или как будет обстоять в будущем (см. об этом мою статью «Sociology and Ethics» в «Social Sciences and their Interrelations», Бостон, 1926⁵). Так же, как эстетическая значимость и правильность отличаются от значимости и ценности в логико-научном и моральном смысле (нет «научной и ненаучной поэзии»), этическая значимость совершенно отличается от логико-научной. Поэтому желающий внести этические оценки в научное исследование отождествляет совершенно разные вещи и тем самым несправедливо относится как к научным, так и к моральным ценностям. Жизнь является гораздо более широким понятием, чем наука, и включает другие важные ценности: Бога, добродетель, религию, красоту и другие ненаучные ценности. Однако это не говорит о том, что в науку следует внести этические ценности, либо, к примеру, что поэзию следует сделать «научной». Тогда она перестала бы быть поэзией, так и не став наукой. Морализирующую науку тоже больше не следовало бы считать наукой.

В-четвертых, Шпанн считает принцип индивидуализма и атомизма гораздо более пагубным, нежели на самом деле. По-моему, к исследованию социальных феноменов следует подходить как с «индивидуалистской», так и с «универсалистской» или «групповой» точки зрения, и одна не обязательно должна противоречить другой. Какой из подходов лучше, полностью зависит от того, как, в какой области и при каких особых условиях проводится исследование. Платон, Аристотель и многие другие великие мыслители подходят к проблемам с обеих сторон и рассматривают одну точку зрения как дополнение к другой. Мне также кажется, что они в научном и логическом отношении были более правы, чем радикальные приверженцы «индивидуалистического» или «группового» исследования социальных феноменов. Фактом является то, что и та и другая точка зрения внесли ценный вклад в социальные науки, и что обе отмечены в истории наук. Таким образом, у нас нет серьезного основания отклонять какую-либо из них.

⁵ См.: Сорокин П.А. Социология и этика // Наследие. 2017. № 2 (11). С. 158–162.